

Королевская лилия

Автор:

[Елена Дорош](#)

Королевская лилия

Елена Дорош

Вечерний детектив Елены Дорош

Елена Дорош – философ и тонкий психолог. В увлекательной форме остросюжетного романа она рассказывает о вечных ценностях: любви, доброте, взаимопонимании и взаимопомощи. В ее книгах добро всегда побеждает зло, а справедливость торжествует.

Алексей Округин – винодел, который всего добился сам. У него собственные виноградники и винзаводы, разбросанные по всему миру. В основном он живет за границей, из родных в России у него остался только дед. И вот Алексей получает известие, что Макар Иванович умер. На похороны он не успел, но приехал позже и навестил дом, где в последние годы дед работал сторожем. Это оказалась большая семья Ольховских, живущая в загородном особняке. Алексей остался в сторожке деда под предлогом того, что он хочет побыть там, где тот провел последние дни. На самом деле, его настораживают обстоятельства смерти Макара Ивановича...

Елена Дорош пишет для тех, кто не впадает в уныние, не боится испытаний и ждет от жизни только хорошее. Ее книги – не просто детективы. Они не только о любви. Каждая открывает увлекательную, порой малоизвестную сторону человеческого бытия.

Елена Дорош

Королевская лилия

Серия «Вечерний детектив»

Оформление серии С. Курбатова

Редактор серии А. Антонова

© Дорош Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Возвращение

Шасси громко стукнулись о взлетную полосу, самолет тряхнуло, и особо впечатлительные пассажиры ойкнули. Хотя чего ойкать, все равно приземлились, хоть и неаккуратно. Сильно пожилая дама, сидевшая в соседнем кресле и всю дорогу читавшая роман под названием «В плену страсти», перекрестилась и, пока они подруливали к терминалу, достала из сумочки косметичку. Она неторопливо накрасила губы, припудрилась, надушилась, посмотрела на себя в зеркальце и, как заметил Округин, осталась довольна увиденным. Почти двадцать часов перелета из Сантьяго в Москву, а старушенция выглядит свежей и бодрой. Алексей попробовал распрямить попеременно обе ноги и понял, что получается плохо. Тело затекло и

окаменело. И это в бизнес-классе. Как же чувствуют себя те, что летели в другом салоне? Впрочем, судя по соседке, развалиной себя ощущает только он.

Округин словно нехотя вылез из кресла и в числе последних пассажиров пошел к выходу.

«Оттягиваешь момент, когда уже не сможешь прятаться от несчастья? Засовываешь в песок свою тупую страусиную голову? Трус ты, Леха. Самый что ни на есть распоследний!»

От этой мысли Округин сразу разозлился и стал передвигаться быстрее. Вещей, кроме тех, что успел запихнуть в рюкзак, у него не было, поэтому через транзитный коридор, нигде не задерживаясь, он вышел в зону посадки на самолет до города детства и успел даже выпить чашку кофе, хотя рейсы были состыкованы впритирку друг к другу. Уже в салоне Округин с удивлением заметил, что недавняя соседка, мило улыбаясь, садится в кресло перед ним. Удобно устроившись, старушка достала свою книгу и с видимым удовольствием углубилась в чтение про плен и страсть. Что за прелесть! Скорее всего ей глубоко за семьдесят, а сил как у молодухи. Алексей подивился и тут же вспомнил деда. Тот и в восемьдесят восемь был крепок. Дети войны и послевоенной поры вообще отдельная тема для исследования. Столько пережили, а не сдаются и в старости. Наверное, у них какой-то ген специальный сформировался, от которого появляется повышенная стрессоустойчивость.

Взять хоть деда Макара. Никогда не думал о возрасте. Не ныл, не бегал по поликлиникам. Жил, работал, ждал приезда внука...

А тот не приезжал четыре года. Четыре года занимался своими проблемами и был уверен, что нет ничего важнее. Его проблемы, они ведь самые проблемные проблемы в мире! А дед, он ведь вечный! Куда он денется?

Округин отвернулся к иллюминатору и закрыл глаза.

Когда двадцать два года назад Леха Округин уходил в армию, то не знал ничего о мире, о людях и о себе самом. Был прост, как правда, и невежественен, как недоросль Митрофанушка из бессмертной комедии Фонвизина. Именем прилагательным слово «дверь» он, конечно, не считал, но в целом был неучем еще тем.

Там, в армии, Леха встретил человека, который навсегда изменил его жизнь. Это был вовсе не умудренный жизненным опытом отец-командир, а такой же солдат, как Округин. Такой же, да не такой. Два года на соседних койках с потомственным виноделом Димкой Скориним открыли недорослю глаза на то, чему он хочет посвятить жизнь. Леха решил, что тоже станет настоящим виноделом. Может быть, даже знаменитым.

Сказано – сделано. После дембеля, ненадолго заехав домой, где ждал его возвращения единственный близкий человек – дед Макар, парень отправился на виноградники Краснодарского края. Учиться и работать.

Все сбылось. За прошедшие с тех пор годы Алексей Округин сумел стать настоящим виноделом и известным в этой сфере специалистом. Было чем гордиться.

Вот только хвастаться успехами и победами теперь не перед кем. Несколько дней назад дед умер.

Пока Леха учился сначала в колледже, потом в институте и работал на чужих виноградниках, постигая азы виноделия, Макар Иванович поддерживал внука как мог. Не деньгами, конечно. Их в маленькой, состоящей из двух человек семье отродясь не бывало. Но упорству и умению никогда не сдаваться Алексей научился именно у деда. Паренек работал, как вол, как галерный раб, как проклятый, поэтому довольно быстро стал хозяином небольшой винодельни в Краснодаре. Потом расширился, заматерел, научился зарабатывать деньги и, наконец, решил попробовать открыть свою винодельню в Старом Свете.

По наивности Округин думал, что для успеха достаточно просто уметь делать хорошее вино. Он очень плохо представлял, как работают рыночные механизмы. Но именно это было важно. Европейские винодельческие круги неохотно пускали к себе пришельцев из других стран. И это, мягко говоря.

Сначала молодой и полный радужных надежд Округин пытался организовать бизнес в Испании, но ничего не вышло. В этой стране самостоятельно торговать на рынке могут только крупные винодельни, которые испанцы называют «бодегами». Мелкие хозяйства обречены просто продавать им свой виноград. Алексей хотел большего, гораздо большего, поэтому, сделав еще несколько неудачных попыток, для воплощения своих «мечт» выбрал Португалию. Ему

понравилось, что в этой чудесной стране хорошее вино можно делать абсолютно в любом месте, а не только на четко обозначенных территориях типа Дору или Минью, где делают знаменитое винью-верде, что в переводе означает «зеленое вино».

Округин обожал вина из местных сортов винограда, особенно розовые, немного игристые и очень легкие. Иногда, устав после тяжелого дня, он наливал холодное молодое вино в граненый стакан, когда-то подаренный ему дедом, и выпивал большими глотками, как в детстве лимонад. Голова становилась легкой, словно воздушный шарик, а накопившиеся проблемы смывались с души, как паутина серой гнили с листьев винограда под струей чистой воды.

Именно в Португалии Алексей наконец ощутил себя настоящим виноделом. Через семь лет каторжного труда, полного провалов и ошибок, он вышел на хороший уровень и впервые попробовал свои силы на престижном конкурсе в Париже. Его красное вино во время «слепой дегустации» высоко оценило жюри. Округин почувствовал, как за спиной выросли крылья, вдохновился и тут же влюбился.

Ее звали Дженнифер. Она выросла во Флориде. Здесь, в Париже, сопровождала выставку в качестве переводчика и была на тот момент совершенно свободной. Причем во всех отношениях. Потом Округин часто вспоминал, как Гоголь в «Мертвых душах» разделил местных дам на «просто приятных» и «приятных во всех отношениях». Дженнифер, несомненно, была дамой приятной во всех отношениях, а значит, не страдала абсолютно никакими комплексами. Она выделила Округина из массы виноделов и сразу взяла в оборот.

К тому времени Алексею было уже за тридцать, и он считал себя вполне искушенным мачо. Однако головокружение от успехов плохо сказалось на его способности мыслить критически, поэтому пребывающий в эйфории винодел сразу ничего не понял и просто пошел на зов природы. Американка была хороша собой и воплощала именно тот тип, который обычно нравится мужчинам в определенном возрасте. Ноги, задница, грудь – все было высшей пробы. Дед Макар, любивший крепкие выражения, называл такой «набор» по-другому – «сиськи, письки и хвосты». Алексей вроде бы даже все понимал, особенно насчет «хвостов», но только когда дело не касалось Дженнифер. В этом случае он как раз был уверен, что в американку влюбился из-за ее неповторимого шарма и недюжинного интеллекта. Она так поразила его воображение, что роман закрутился стремительно.

Довольно долго умница Дженнифер держалась на расстоянии, в дела не лезла, не мешала, одеяло на себя не тянула. Алексей по-прежнему был поглощен работой и воспринимал присутствие рядом красивой женщины как бонус. Позже он понял, что именно его примитивно-утилитарный подход стал причиной того, что случилось.

Впрочем, сначала все шло прекрасно. Ушлая американка привнесла в его жизнь много нового, и он был ей благодарен. Она не говорила по-русски, и Округину поневоле пришлось улучшить английский, «подкачать» французский и португальский. Искушенная в хитросплетениях светской жизни любовница научила работягу-винодела достойно вести себя в любом обществе, носить костюмы от Тома Форда и выбирать правильную обувь. С ней он не то чтобы полюбил светские рауты, но стал извлекать из них пользу – знакомиться с нужными людьми, находить инвесторов, выстраивать отношения с истеблишментом. Модные постановки, выставки авангардных художников, даже показы мод на парижской неделе стали частью его жизни и многое дали в плане латания дыр в образовании. На какое-то время процесс так увлек Округина, что он напрочь отвлекся от работы и спохватился только тогда, когда брошенные без присмотра виноградники в Новой Зеландии чуть не сожрала мерзкая тля по прозвищу «филлоксера». Алексей оставил Дженнифер в Нью-Йорке в разгар сборов на премьеру нового мюзикла и улетел спасать свои драгоценные лозы.

В то время, когда бизнес в Европе только начинал проклеиваться, Округин дал себе слово перестать материться через слово по старой привычке. Как известно, русские матом не ругаются, они «им разговаривают». Молодому бизнесмену казалось, что в культурной европейской среде навык виртуозного владения ненормативной лексикой оценен не будет. Все проблемы, возникающие во время работы, он решал цивилизованно, на хорошем литературном языке. Все вроде бы шло нормально, и рабочие отлично его понимали. Сломался он как раз в Новой Зеландии. Оказалось, вместо того чтобы срочно начать бороться с прожорливой тлей, новозеландский народ сосредоточился на горячем обсуждении перспектив распространения филлоксеры и вариантов найти работу у другого хозяина, чьи лозы тля к тому времени сожрать не успеет.

Вот тогда Округин понял, что нет в мире доходчивей слова, чем русское матерное идиоматическое выражение, и закон этот работает по всему земному шару, от Камчатки до Занзибара, далее – везде.

Работать сразу начали все и весьма дружно. Округин даже повысил свой рейтинг в местных кругах. Жалко только, филлоксера мата не понимала и подыхать не торопилась.

Избавиться от зловредной тли было непросто, поэтому на новозеландских виноградниках пришлось проторчать почти три месяца. Он вернулся, готовый извиняться за то, что так неожиданно оставил подругу одну, но, к его удивлению, она словно не заметила отсутствия бойфренда и встретила так, словно они расстались вчера. Округин счел это добрым знаком, потому что не терпел, когда женщины начинали обижаться, дуться и играть в молчанку. Решив, что ему необыкновенно повезло с любовницей, он уехал в Чили контролировать сбор урожая. Дженнифер с ним не полетела. Ее пригласили сопровождать выставку в Сан-Франциско, и Округин был даже доволен тем, что она занята, и ему никто не мешает. Все было просто прекрасно. Он вернулся соскучившимся. Она была счастлива. На волне обоюдной радости они махнули в Андорру кататься на лыжах. И пусть из фешенебельного курорта в Грандвалире Округин уехал раньше, поскольку его присутствия требовали недавно приобретенные виноградники в Тоскане, отдых в горах принес массу удовольствия.

В таком духе их отношения продолжались четыре года. Изредка Алексей подумывал о том, что они с Дженнифер так и не сблизились настолько, чтобы сделать следующий шаг и поговорить о свадьбе. Мысли подобного рода приходили нечасто, ни к чему конкретному не вели, и все шло по-прежнему.

А потом он совершенно случайно узнал, что довольно давно Дженнифер живет еще с одним мужиком. Так сказать, параллельно. Стала понятной ее сверхспокойная, близкая к равнодушной, реакция на его отсутствие, а также нежелание надолго уезжать вместе с ним. Попутно выяснилось, что второй любовник живет за его, Округина, счет, потому как к сорока годам пребывает в статусе не признанного миром гениального художника. Алексей был не то чтобы оскорблен, но раздосадован. Роль рогоносца сама по себе малопочтенная, а рогоносца, который оплачивает услуги того, кто эти рога ему наставляет, – вдвойне.

Он не стал устраивать разбор полетов, а просто уехал в Россию, заблокировав все кредитные карты, оформленные на любовницу. В Крыму как раз начинали возрождаться винодельни, уничтоженные когда-то в пылу борьбы за трезвость, и дел было невпроворот. Рефлектировать по поводу личной трагедии оказалось

абсолютно некогда, все пришлось начинать с нуля, каждый шаг давался тяжело, чему Округин был несказанно рад.

В один из коротких перерывов Алексей съездил к деду в Воронеж. Макар Иванович как раз распрощался с почетной должностью вахтера на проходной одного из заводов и был свободен. За несколько лет до этого Алексей подарил ему квартиру в центре, дед перебрался туда из родовой развалюхи в деревне и довольно быстро привык к городской жизни. Приехав, Округин сразу затеял ремонт на кухне, до которой у неприхотливого Макара Ивановича не доходили руки, заставил старика пройти серьезное обследование и отправил в отличный кардиологический санаторий. Пару раз навестил его там, чтобы убедиться в качестве лечения, а за сим отбыл обратно в Крым возрождать отечественное виноделие.

Было это четыре года назад. Алексей собирался приехать к деду месяцев через пять-шесть, но тут началась «санта-барбара» с Дженнифер.

Почему-то Округин пребывал в железобетонной уверенности, что она расстанется с ним легко, ведь все было так очевидно. И ошибся. Как истинно американская женщина Дженнифер подала на него в суд за то, что своим пренебрежением и частыми отлучками он спровоцировал ее на измену. На фоне переживаний у бедной девушки развилась неврастения и возникла угроза астмы. Пока Округин приходил в себя от такой наглости, адвокаты, работу которых она оплачивала украденными у бывшего любовника деньгами, рьяно принялись за дело. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы он не платил своим адвокатам намного больше. Тяжба в лучших американских традициях тянулась почти год. Выбраться из этой истории Алексею все же удалось, хотя и не без потерь.

Однако правду говорят, что беда не приходит одна. Чуть только Округин пришел в себя, и предприимчивая американка окончательно исчезла из его жизни, как в Чили, где он к тому времени имел самые обширные виноградники, случился «сахарный» скандал. Виноделов нескольких хозяйств Центральной долины уличили в добавлении в сладкие вина некоего вещества, входящего в состав антифриза. Сама по себе добавка была не опасна, но публика была шокирована. Разразившийся скандал привел к кризису в виноделии страны и затронул даже тех, кто, подобно Округину, выращивал виноград совсем в других регионах и никогда не мухлевал. Чилийские вина просто перестали покупать. Это был удар ниже пояса. Алексею пришлось, не отвлекаясь ни на миг, работать день и ночь

три года, чтобы сохранить то, что создавалось непосильным трудом.

В этот непростой период дед, понимая, что внуку приходится туго, выходил на связь каждую неделю и подробно рассказывал все местные новости. Сидеть сиднем в шикарной квартире Макару Ивановичу надоело через три месяца после ухода с престижной должности вахтера. Силы еще были, поэтому через знакомых он устроился сторожем на дачу в ближайшем пригороде. Работа знакомая и не пыльная, уверял дед. Хозяева наезжали только летом, зимой дом пустовал. Дед жил отдельно, как он говорил, «в сторожке», и помимо охраны хозяйского добра понемногу плотничал, кое-что чинил, топил печь. Когда Алексей спрашивал, не тяжело ли ему одному, и не опасно ли это в случае, если станет плохо с сердцем, Макар Иванович уверял, что на свежем воздухе сердце у него работает, как «пламенный мотор». Глядя на экран монитора, Алексею казалось, что дед в самом деле выглядит веселым и бодрым.

– Потерпи, дед, как только разгребу тут, сразу приеду, – успокаивая скорее себя, говорил Округин.

– Да не переживай, Алексейка! – бодро отвечал Макар Иванович. – Ты свой бизнес спасай, а я тебя в любом случае дождусь. Чего еще мне делать?

Как-то дед сообщил, что в доме появилась хозяйка. Мол, переехала поближе к природе по состоянию здоровья.

– Теперь народу тут поприбавилось. К ней еще тетки какие-то ходят, типа присматривают. Так что ты, Алексейка, не бойсь. Если что, и за мной присмотрят.

Округин уточнять насчет хозяйки и пришлых теток не стал, но в самом деле немного успокоился. Все-таки старик не один там кукует. Ну а в случае чего они с дедом всегда на связи. Будут созваниваться почаще, а там, глядишь, все наладится, и Округин приедет. Ему казалось, у них еще много времени. Макар Иванович крепок душой и телом, поэтому с ним ничего не может случиться.

Но вышло по-другому.

В городе детства

Они разговаривали по видеосвязи обычно в воскресенье – единственный день, когда Округин позволял себе расслабиться. Макар Иванович звонил, когда в воронежских краях начиналось утро, а «в заграницах», как любил говорить дед, наступала ночь. Алексей всматривался в дорогое лицо, вдоль и поперек испещренное глубокими морщинами, слушал дачные новости, рассказывал о своих делах и чувствовал, что счастлив.

Так было и на этот раз. Макар Иванович выглядел как обычно, говорил хоть и со старческим покашливанием, но бодро. Тоже, как всегда. Алексей спрашивал, дед отвечал, потом наоборот. Наказав старику беречь себя и не курить слишком много, он отключил скайп и пошел спать, уверенный, что услышит деда через неделю.

Но беда пришла раньше. Неделя выдалась тяжелой. Новые бочки из французского дуба оказались с изъяном, и отличное вино, приготовленное для долгой выдержки, стало выдыхаться и киснуть. Округин срочно вылетел в Италию исправлять положение, а оттуда напрямик отправился в Чили. Проблемы обнаружились и там.

Известие о том, что дед Макар умер, нашло его не сразу. Офис получил сообщение только через два дня, а к нему на дальнюю винодельню в горах оно дошло еще через сутки, в пятницу вечером. Разбираться как при современных способах передачи информации такое вообще могло случиться, было некогда. Алексей срочно выехал в Сантьяго и лишь через пятнадцать часов смог улететь оттуда в Москву.

Он понимал, что опоздал катастрофически, деда похоронили без него и проститься с ним уже не суждено, но запретил себе об этом думать. Иначе не выдержит. Он надеялся проспять весь перелет просто потому, что зверски устал, однако отключиться не удалось. В мутной полудреме злой и уставший Алексей промаялся половину пути, а оставшееся время сидел, тупо уставившись в карту полета на мониторе перед креслом.

Чуть больше часа перелета от Москвы до Воронежа Округин провел так же, как предыдущие двадцать: или безуспешно пытался заснуть, или смотрел перед собой осоловелыми глазами. На этот раз пилот посадил машину мягко, некоторые даже не заметили, как оказались перед терминалом. Алексей встал первым и быстро пошел по «рукаву» к выходу. Где-то там, у «зеленого коридора» его ждет верный помощник Саня. Он летел из Лиссабона, поэтому должен был прибыть намного раньше.

Голову, возвышавшуюся над всеми, Алексей, казалось, увидел сразу, но Саня все же заметил его раньше и первый поднял руку.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – сказал он, забирая рюкзак, – я забронировал номер в отеле.

Округин посмотрел удивленно:

– А в квартире что?

– Да там, как оказалось, жильцы живут. Квартиранты, – пояснил Саня, видя, что начальник смотрит с недоумением.

– Откуда они взялись?

– Макар Иванович пожить пустил, чтобы квартира не пустовала.

Этого Алексей не знал.

– Давно?

– Да нет. Четыре месяца.

– Зачем деду это нужно? Денег, что ли, не хватало? Быть того не может.

– Да при чем тут деньги? Я же говорю, квартира годами без присмотра. А если воры? Или трубу прорвет? Жильцы говорят, что оплачивали только коммуналку, и все.

– Все равно сначала заедем на кладбище.

– Может, поспите?

– Не засну все равно.

На могиле стоял деревянный крест. Лежали два венка и несколько пучков живых цветов. Фотографии не было. Сердце болезненно сжалось. Могила деда Макара выглядела сиротливо.

– Насчет могилы я распорядился. Завтра приведут в порядок. Фотографию уже изготовили. В следующем году поставим памятник, макет я выбрал.

Саня говорил сочувственно. Потом он добавил что-то еще, но Алексей понимал плохо. Мысли, которые он старательно гнал от себя, полезли с ужасающей быстротой.

Он бросил деда одного, оставил, покинул, даже не попрощался с ним, не попросил прощения, не поцеловал. Теперь он никогда не увидит любимое лицо, не услышит родной прокуренный голос. И ничего нельзя исправить. Ничего.

Саня отошел чуть за спину. Не стал мешать каяться. Хотя какой в этом толк?

Округин постоял еще немного и пошел по кладбищенской дорожке к выходу.

К дому деда Алексей подошел с сильно бьющимся сердцем. Сам не понимая почему, он волновался. На звонок никто не ответил.

Квартиранты, видимо, спали. Днем в воскресенье?

Алексей без толку давил на кнопку минут десять и уже решил, что в квартире никого нет. Однако за дверью вдруг раздалось шуршание, и детский голос пропихал:

– Вам чего надо?

– Меня зовут Алексей. Я внук Макара Ивановича. Впустите, пожалуйста.

Стало тихо, потом голос проблеял:

– А Макар Иванович умерли.

– Знаю, – терпеливо ответил Округин, – я только сегодня прилетел. Мне нужно с вами поговорить.

За дверью поскреблись, еще немного пошуршали и, наконец, открыли.

Оказалось, с ним разговаривал не ребенок, а женщина, совсем молоденькая.

– Не пугайтесь, прошу вас, – произнес Алексей как можно мягче. – Можно войти?

Женщина посторонилась и сразу стал заметен ее большой живот. Какого черта он приперся на ночь глядя? Еще родит с перепугу!

Округин прошел вслед за женщиной в комнату и сразу почувствовал, что в доме изменился запах. У деда всегда пахло крепким табаком, старым деревом и жареной картошкой. Сейчас – чем-то сладким или скорее кисло-сладким, стиральным порошком и еще чем-то трудноопределимым, но приятным.

– Вы простите меня, пожалуйста. Я веду себя бесцеремонно. Наверное, просто устал. Но мне нужно было тут побывать.

Женщина кивнула и отошла в дальний угол.

Бойтся все-таки. Это понятно. Она, похоже, в квартире одна, а тут вдруг на ночь глядя в дверь начинает ломиться здоровый детина. Хорошо еще, что он приехал один. При виде Сани она точно разродилась бы раньше срока.

– Если вы насчет денег, то мы все вовремя оплачиваем...

– Не насчет денег, не переживайте, – прервал Алексей. – Честно говоря, я вообще о вас ничего не знал. Ну, в смысле, что дед квартирантов пустил.

- Так все случайно вышло.

Женщина подошла чуть ближе и села на стул у стола, сложив руки на животе.

- Мы с мужем оба из деревни приехали. Снимали комнату тут недалеко, через два дома. А когда я забеременела, хозяйка нас прогнала. Сказала, мол, мне пеленок и воплей не надо. Муж только с работы пришел, она даже поесть ему не дала. Стала орать и вещи выкидывать. Мы собрались и на автобусную остановку. Затащили скарб под навес и ревом оба. Пете меня очень жалко было. На дворе ночь, куда деваться, не знаем. Господь нам Макара Ивановича послал. Они просто мимо шли, не поверите! Спросили, чего мы тут завываем на два голоса.

Женщина улыбнулась и погладила живот.

- Макара Иванович даже не дослушали. Просто взяли чемодан и повели нас к себе.

Слушая это странно звучащее «они шли, они взяли», когда говорят об одном человеке, Алексей невольно улыбался вместе с женщиной.

«Узнаю деда. Ни за что мимо не пройдет. И ведь ничего не сказал, старый упрямец!» - подумал он, чувствуя гордость за своего старика.

- Так нам что, выезжать?

- Куда? - не понял Алексей.

- Ну, вы, наверное, теперь сами здесь жить будете?

- А... Нет, не волнуйтесь. Живите, как жили, платите за коммуналку. Я через неделю уеду.

Женщина вся засветилась:

- Так вы не выгонять нас приехали?

– Нет. И не думал даже.

– Вот спасибо, Алексей Петрович! Мы вам так благодарны! Мы для вас... даже не знаю, что...

Надо же, она имя его знает, а он, болван такой, даже не познакомился!

– А вас как звать, простите?

Женщина обошла вокруг круглого стола и, подойдя, протянула руку.

– Я Катерина. А муж мой, Петя, сегодня в ночную. Алексей Петрович, не побрезгуйте со мной чаю выпить.

– Да мне неудобно вас беспокоить.

– Никакого беспокойства мне от вас нет, что вы! Я с радостью! Если бы не Митька, мы бы и рюмочку выпили за помин души Макара Ивановича.

Митька? Это еще кто?

– А где же ваш Митька?

– Как где? Да вот!

Женщина показала на свой живот и хихикнула, видя растерянное лицо Округина.

– Так его Митькой зовут? Я и не знал.

Продолжая хихикать, женщина, переваливаясь уткой, пошла на кухню и спросила оттуда:

– Вы, может, забрать чего хотите? Из вещей или фотографии, например?

Фотографии? Как это он не подумал?

– Конечно. А где фотографии?

Катерина показалась из кухни с чашками в руках.

– Несколько самых важных Макар Иванович с собой забрали, когда переехали за город, а что осталось, мы в стенку сложили.

– В стенку? Это зачем?

– Так мы все туда складываем, что ценное. В бар. Сейчас достану.

Она подошла к большому, во всю стену, шкафу и открыла откидную дверцу посередине.

Стенка! Ну конечно. Он и забыл, что это такое. А баром называют маленький шкаф, который предназначен для хранения алкогольных напитков. По старой доброй традиции в России туда складывают документы и лекарства. Самое ценное.

– Вот, возьмите.

Катерина протянула увесистый пакет из плотного картона. В таких Округин пересылал документы экспресс-доставкой.

Он заглянул в пакет. Больших и маленьких фотографий оказалось много.

Будет чем заняться, когда полетит назад.

– Ну, садитесь за стол, Алексей Петрович, я уже подаю.

Катерина принесла чайник, корзинку с вкусно пахнущим хлебом и пузатую сахарницу. Потом опять полезла в «стенку» и достала коробку конфет.

– Вы извините, что я к вам ломился, – пододвигая знакомую с детства белую с золотой каемкой чашку, снова завел Округин.

– Да что вы! Я ведь понимаю, – успокаивающе сказала Катерина, наливая густой чай. – Мы с Петей тоже сироты. Уже год как схоронили последнего родственника. А у вас, я знаю, никого, кроме Макара Ивановича, давно нет.

Она села, подперла рукой щеку и стала похожа на васнецовскую Алenuшку. Округин принялся пить чай с белым хлебом и подумал, что давно не было так вкусно. Он выпил и попросил еще. Катерина обрадовалась, что ее немудреное угощение пришлось по вкусу, покраснелась и, желая порадовать гостя, сказала:

– Макар Иванович очень вас любили. Ждали в гости.

– Знаю. Простить себе не могу, что опоздал.

– Не вините себя. Господь знает, когда прибрать человека. Наверное, время пришло. Теперь Макар Иванович уже высоко. Видят вас и радуются, что вернулись.

Только на это он и надеется. Только на это.

– А за могилку не переживайте, мы присмотрим, – неожиданно закончила Катерина.

Алексей вышел из квартиры и увидел, что идет сильный дождь. Не решаясь бежать к машине под ливнем, он стоял в подъезде и представлял, что дед смотрит на него сквозь потоки воды.

– Дед, прости меня, дурака, – сказал он, глядя в темное, набухшее от воды, небо.

Во двор въехала машина. Мигнули фары, и Саня закричал в открытое окно:

– Не выходите, я сейчас подрулю поближе!

Он остановился прямо напротив подъезда, но Округин все равно вымок насквозь, пока залезал на сиденье рядом с водителем.

– Ну что? В отель сушиться? – спросил Саня.

- Узнай, где находится дача, на которой жил дед.
- Узнал уже. Минут тридцать на машине.
- Пригород, значит.
- Да, недалеко. Завтра поедем?
- Хочу попрощаться.
- Понял. На этой машине?
- Нет. Подгони «Мерседес». Я один съезжу. А ты потусуй тут пока. Я недолго. К вечеру вернусь.
- Слушаюсь, Алексей Петрович.
- Ладно, Саня, расслабься. Мы не на работе.
- Да привык уже. А тут, кстати, у меня несколько хороших друзей осталось.
- Вот и повидеешься заодно.

Дача Ольховских

Довольно долго Алексей шел вдоль забора, а тот все не заканчивался. Сколько же тут гектаров? Он вытер вспотевший лоб.

«Отвыкли пешком ходить, ваше благородие? А как же фитнес с тренировками? Ежедневно по часу, по вторникам и пятницам – по три? А как же пробежки по парку на заре со специальным браслетиком на руке? А что же ваш велотренажер на террасе? Никуда, выходит, не годятся? Вместе с вами, надо полагать?»

Пройдя вдоль забора еще с полчаса, он внезапно обнаружил, что впереди снова замаячил шлагбаум и перед ним его машина.

Что за черт? Выходит, он сделал круг? Где же эта проклятая калитка?

Алексей огляделся, как будто она могла прятаться в кустах неподалеку, и решил, что, если через десять шагов калитка не обнаружится, он пошлет все к черту и поставит крест на всей затее.

Внезапно сбоку что-то щелкнуло, скрипнуло, хлопнуло и прямо на него выскочило до невозможности рыжее существо. Как будто солнечный зайчик! Существо попрыгало на одной ноге, увидело его, остановилось и ойкнуло.

– Простите, – вежливо обратился к нему Алексей, – вы не подскажете, где тут калитка?

Солнечный заяц снова подпрыгнул и залился звонким смехом.

– Да вот она! Прямо перед вашим носом, если вы повернете его влево!

Округин повернул нос влево и вправду увидел распахнутую во двор калитку.

– Спасибо огромное! – с облегчением сказал он зайцу.

Посмотрел на него повнимательнее и с любопытством спросил:

– А вы, случайно, не из этого дома?

– Из этого, – с готовностью кивнул заяц и подтянул странные широкие штаны с помочей через одно плечо.

Алексей хотел продолжить увлекательную беседу, но заяц вдруг насторожился. Улыбка сползла с милого лица.

- А вы кто? – спросил он, пятясь к калитке.

Должно быть, подумал, что явился серый волк, решивший полакомиться зайчатинной.

- Не пугайтесь, пожалуйста! – воскликнул Алексей как можно более простодушно. – Я ищу Ольховских. Я внук Макара Ивановича, сторожа.

- А...

По всему было видно, что у зайца отлегло от души.

- Так мы и есть Ольховские. Я – Оля.

Оля? Значит, солнечный заяц – девочка. Или девушка? Интересно, сколько ей? Восемь или восемнадцать?

Алексей Петрович решил, что надо представиться «по-взрослому»:

- Меня зовут Алексей Петрович Округин. Макару Ивановичу прихожусь родным внуком. Хотел побывать там, где он провел свои последние годы. Поговорить с людьми, которые провожали его в последний путь.

Солнечная Оля жалостливо сморщилась.

- Дедушка Макар был очень хороший. Проходите, пожалуйста, к дому, а я вперед побегу. Предупредить.

Алексей вошел вслед за Олей и по выложенной светлой тротуарной плиткой дорожке пошел к дому, догадываясь, что тот находится за густым рядом елок, посаженных так плотно, что сквозь них ничего не было видно.

Он прошел между двумя пышными елями и даже присвистнул:

– Вот так дом!

Он был «чудесатым». Собственно, домом его назвать можно было лишь условно. Скорее перед Округиным было несколько домов, слепленных в кучу. Посредине размещался деревянный пятистенок, проще говоря, обычная изба. Судя по всему, она являлась прародительницей всех остальных. Начали скорее всего с крыши. Ее подняли и придали форму гроба. Получилась так называемая мансарда. Пристройка справа стала следующим шагом к расширению жизненного пространства. Широкая, с односкатной крышей, с пятистенком она монтировалась плохо и смотрелась нелепо. Но это было еще не все. С тыла, где у крестьянских изб обычно расположен двор для скотины, был пристроен каменный особняк. Большой и по-современному просторный. В два этажа. Казалось бы, что можно прилепить еще? Вариант нашелся. Сбоку вместо террасы к особняку примыкал легкий финский домик. Уф!

– Блин-компот, – не удержался Алексей и посмотрел вокруг.

Земли, огороженной забором и, следовательно, принадлежащей семье Ольховских, было не меньше гектара, а возможно, даже два. Зачем нужно городить весь этот огород?

– Дом на доме сидит и домом погоняет, – вынес он свой вердикт.

– Ваш дедушка тоже так говорил, – сказала у него за спиной Оля.

Он обернулся и снова увидел веселые веснушки, рыжие волосы торчком и карие глазки-пуговики на милом скуластом лице. Не хватало только колпачка и красной насадки на нос. Девочка – солнечный клоун. Клоунесса, правильнее было бы сказать.

– Дядя Евгений просит вас зайти в дом. Вон тот, каменный.

Она снова поскакала вперед. Улыбаясь, он пошел за ней к крыльцу.

В доме, где его ожидал неведомый дядя Евгений, было прохладно. Алексей оглянулся на Олю, но она исчезла. Он незаметно оттянул рубашку сначала сзади, потом спереди, и подул внутрь, на горячую грудь.

– Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста.

По лестнице к нему неторопливо спускался высокий господин в белых, хорошо наглаженных брюках и голубой рубашке. Почему-то Алексею показалось, что парадный спуск задумывался специально для него. Господин остановился на предпоследней ступеньке и посмотрел выжидающе. Ну, прямо барин и проситель из крепостных. Жаль, шапки нет, «ломать» нечего.

Алексею стало смешно. Пытаясь сдержаться, он кашлянул в кулак и снова представился. Барин Евгений слушал, подняв брови, словно недоумевая. Может, причина его появления и в самом деле неординарная, но вполне объяснимая с человеческой точки зрения. К чему делать непонимающее лицо? Алексей уже было хотел об этом заявить, как вдруг сзади послышались шаги, и с улицы в дом вошла женщина.

– Это вы внук нашего Макара Ивановича? – спросила она и протянула руку. – Дочка сказала. Меня зовут Зинаида.

Понятно. Мама Оли. Совсем на нее не похожа. А вот барина Евгения чем-то отдаленно напоминает. Наверное, сестра.

Алексей представился в третий раз и объяснил причину своего появления. Зинаида кивнула.

– Конечно. Мы все понимаем. Давайте пройдем к нам. Выпьем чаю, а потом мы проводим вас к домику Иваныча, простите, вашего деда. Женя, ты не против?

Женщина подняла глаза и улыбнулась господину Евгению, так и не сошедшему с лестницы. Тот важно кивнул. Алексею показалось, что барин слегка раздосадован быстрым завершением спектакля, который он устроил для незваного гостя.

Они с Зинаидой прошли мимо пятистенка, обогнули пристройку и поднялись по узким ступеням на крыльцо, которое оказалось сразу за углом. В большой комнате с зашторенными от палящего солнца окнами тоже было прохладно. Алексей поискал глазами и заметил кондиционер.

Конечно, без него тут с ума сойдешь.

– Какой еще внук? У Макара Ивановича не было никакого внука! К нему никто не приезжал! Как вообще можно вот так запросто впускать в дом какого-то самозванца?

Из двери сбоку вышла высокая худая девушка и остановилась, увидев его.

– Извините, что так вас огорошил, – проговорил Алексей и неизвестно почему поклонился. Наверное, вошел в роль просителя из крепостных.

Девушка, ничуть не смутившись, дернула плечом и вышла на свет. Он посмотрел внимательно. Бледное матовое лицо, светлые волосы гладко зачесаны и стянуты в хвост, серые глаза смотрят строго, но... не обидно, что ли. Возмущенно, но не оскорбительно по отношению к нему.

– Кто вы такой? – требовательно спросила девушка и сложила руки на груди.

Ни дать ни взять судебный заседатель. Нет, не так. Прокурорша? Тоже нет. Училка, вот на кого она похожа.

Алексей вздохнул. Ну что за оказия такая! Битый час всем представляется. Устал уже.

– Полина, перестань. Алексей хочет просто побывать в доме деда. Проститься. Взять что-то на память.

Полина, значит. Добро. Кем, интересно, она приходится Оле?

– Это моя старшая дочь Полина, – словно услышав его, представила Зинаида.

Ага. Значит, с Олей они сестры.

– Проходите, Алексей. Чаю или квасу?

Зинаида махнула рукой, приглашая его к столу. Полина повернулась и вышла.

– Спасибо, Зинаида. Я не хотел бы никого утруждать, но можно проводить меня к дому деда? Вернее, к дому, где он жил?

– А чай?

– Спасибо, на обратном пути, если позволите.

Зинаида кивнула и крикнула:

– Оленька, проводи Алексея...

– Петровича, – подсказал он.

Из двери выскочила Оля, и его губы невольно растянулись в улыбке. Какая все-таки она прелестная!

– Я готова! Пошли?

– Пошли, – ответил он с удовольствием.

Оля повела его в глубь участка, и они вышли к небольшой речке. Когда он обходил забор, четырежды переходил ее, спрятанную в трубу, удивляясь этой особенности местности. Здесь речка была гораздо шире и, по-видимому, глубже. На берегу стояла пара шезлонгов, у воды лежал надувной матрас. Значит, можно купаться. Оля свернула правее и остановилась у диковинного сооружения. Мост через речку был сложен из длинных плоских досок, словно конструктор. Алексей улыбнулся мосту, как старому другу. Сколько таких они построили с дедом в детстве, когда в их местах начиналось половодье и любая лужа превращалась в непреодолимую преграду! Дед рассказывал, что собирать такие мосты научился в детстве. Отступая, фашисты взорвали переправу через реку как раз недалеко от села, где они с сестрой жили после гибели родителей. Наши бойцы натащили со взорванной лесопилки досок и на удивление ловко сложили из них странную переправу. Мост выглядел нелепо, но оказался на диво крепок. Пехота переправилась по нему на другой берег и, окопавшись, позволила подтянувшимся войскам навести понтонные мосты. Макар, которому в то время было лет десять, уловил принцип конструкции и научился собирать мосты сам.

Блестя глазами, Оля смотрела на него, ожидая удивленных расспросов. Не хотелось ее разочаровывать.

– Ого! А это что за диковина? – старательно растопырив глаза, спросил Алексей.

– Это мост Леонардо да Винчи! – торжественно объявила Оля. – Он собирается без единого гвоздя. Макар Иванович сделал! У нас весной старый мост унесло, а он взял и за один день собрал новый!

Она сказала это с такой гордостью, что Алексей проникся к ней еще большей симпатией. Славная девочка! Сколько же ей лет?

Перебравшись по леонардову мосту, они взобрались на небольшой холм. Дом сторожа был не таким уж и маленьким. Не сторожка какая-нибудь на полтора окна, а нормальный бревенчатый дом. Небольшой, но, как сказал бы дед Макар, справный.

У Алексея защипало в носу, когда он увидел стоящее у дома кресло-качалку. Дед всегда любил качаться. Дома сделал такое сам. Маленький Алеша все пытался занять кресло первым. Позовет мама ужинать, дед поднимется и уйдет. Кликнут и Алешу. Дед ест медленно, а он быстро. Покидает в рот кашу и припустит к дедову креслу. Сядет и качается. Дед придет, станет делать вид, что сердится. А потом возьмет на руки, и они качаются вместе, пока Алеша не уснет. Бывало засыпал, так и не дождавшись дедова возвращения.

Хорошо, что Оля скакала впереди него. Не видела, как взрослый дядька слезы вытирает.

Оля подбежала к двери и достала ключ. Открыла и посмотрела вопрошающе.

– Мне тут остаться? Снаружи?

– Если можно.

Алексей зашел внутрь и сразу почувствовал знакомый запах. Пахло табаком, свежей древесиной и еще чем-то неуловимо родным. Дедом пахло. Алексей сел на кровать и осмотрелся. Выглядело жилище прилично. Из мебели есть все, что

необходимо человеку. Посредине комнаты – вполне современная печь. Дед называл ее «буржуйкой» и уверял, что топит она распрекрасно. Ни бардака, ни следов стариковской неряшливости. Чистые полы, свежее белье, все расставлено по местам. Кто-то прибирал у него? Или дед сам старался следить за порядком?

Наверное, он сидел слишком долго. Дверь скрипнула. Заглянула Оля. Ему показалось, что она чем-то встревожена. Неужели тоже подозревает в нем самозванца и проходимца? Думает, он выискивает, чем бы в доме сторожа поживиться?

– Оля, простите, что задерживаю. Вас уже заждались, наверное. Еще минута, и пойдем.

Оля кивнула и скрылась за дверью.

Он вышел ровно через минуту. Когда они уже подходили к дому Ольховских, Оля спохватилась:

– Вы ничего не взяли! Вы же хотели! На память!

Алексей кивнул, но ничего не ответил. Он и вправду собирался оставить на память какую-нибудь дедову вещицу. Но когда взял в руки алюминиевый обшарпанный портсигар и очки, лежавшие на табуретке у кровати, вдруг почувствовал себя отвратительно, как вор, без спроса берущий чужое. Откуда возникло это до ужаса противное ощущение, он не понял, но вещи положил на место.

Не будет он ничего трогать. Пусть все лежит, как лежало при деде.

У пристройки, куда они вернулись, стояли Зинаида и высоченный мужик с черными, как смоль, волосами. Услышав приветственные возгласы Оли, они обернулись. У мужика было смуглое некрасивое и странно крупное лицо, словно морда лося. Сохатый, сразу придумалось у Алексея. Они пожали друг другу руки.

– Мой муж Аркадий, – представила Зинаида очередного члена семьи. Видимо, она старалась все делать правильно.

Словно в подтверждение его мыслей она сказала:

– Было бы неправильным отпускать вас, Алексей Петрович, на голодный желудок. До электрички еще два часа. Мы успеем поужинать и помянуть Макара Ивановича.

Алексей согласился. Почему-то не смог сразу проститься и уехать.

Он думал, что за стол они усядутся вчетвером. Или впятером, если училка Полина сочтет возможным ужинать «с каким-то самозванцем». Так, кажется, она его назвала?

Оказалось, ужинать они будут на лужайке перед домом под огромным вязом, да еще, как сказала Зинаида, «всей семьей». Интересно, сколько их в той семье?

«Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то – отец мой да я», – вспомнился ни к месту Некрасов.

Мужиков оказалось пятеро. К Аркадию и барственному Евгению присоединились двое мужчин помоложе, сыновья Евгения, и паренек лет восемнадцати.

Женщин тоже прибавилось. Их оказалось все же чуть больше, чем мужчин. Сначала выплыла дородная и до невозможности вальяжная жена Евгения, которая сразу уселась за стол, мазнув по Алексею довольно неприветливым взглядом. У нее была странная прическа. Вроде большого пучка, но не на затылке, как обычно, а на макушке. Такой же делала сестра деда бабушка Маша только очень давно, в шестидесятых. Алексей помнил по фотографиям. Назывался этот валик из начесанных волос каким-то диковинным словом. Хала? Интересно, зачем делать это на голове летом на даче?

Следом появилась, неся блюдо с хлебом и охапку вилок, маленькая бледненькая женщина невнятной внешности и неопределенного возраста. Зинаида, старательно представлявшая всех прибывающих, назвала ее Натальей. Когда все расселись, явилась знойная красотка в красном облегающем сарафане, выставлявшем напоказ бюст четвертого размера. Эта представилась сама, протянув ухоженную руку со свежим маникюром. Имя у нее было соответствующее – Анжела. Алексей удивился, когда выяснилось, что она приходится женой младшему из Евгеньевичей – Владимиру, сонному рыхлому

мужичку с потными слабыми руками.

Паренек Олежка оказался сыном Станислава Евгеньевича, мужа невнятной Натальи. Он сразу уселся рядом с Олей и стал болтать, не обращая ни на кого внимания.

Алексею показалось забавным, что все пары, кроме Евгения и его жены, как выяснилось в процессе, депутата и депутатши, внешне не подходили друг другу. Все должно быть наоборот. Вялая Наталья вполне годилась в жены анемичному Владимиру, а видный красавец Станислав как нельзя лучше подходил бразильской молодухе с бюстом. Хрупкая Зинаида тоже смотрелась рядом с лосем Аркадием как-то странно. Словно тувалька с армейским сапогом.

Не успели разложить по тарелкам еду, как Евгений поднялся и предложил помянуть Макара Ивановича.

– Пусть земля ему будет пухом, – скорбно потупившись, сказал он постным голосом и осторожно отхлебнул из рюмки водку. Остальные выпили, как положено, в один глоток и сразу зашевелились, накладывая закуски.

Алексей выпил вместе со всеми.

Тут Евгений посмотрел на часы и сообщил:

– Мама проснулась.

Наталья и Зинаида со старшей дочерью мигом подхватились и убежали в дом. Депутатша осталась сидеть. Видно, ей бегать не по чину. Красотка Анжела тоже не всполошилась вместе со всеми, продолжая лениво ковырять в тарелке. И эта на особом положении?

Пока Алексей слушал разговор, касавшийся его деда и событий, связанных с его жизнью в этом доме, прошло минут пятнадцать. Говорили хорошо, вспоминали уважительно. Казалось, что к сторожу все относились с теплотой. Алексею было приятно. Среди этих людей дед прожил несколько лет, наверняка сблизился с ними, во всяком случае с некоторыми. Округин посматривал на обитателей «чудесатого» дома. Наблюдал. И думал о своем деде.

И тут его ждал сюрприз. Выскочила Оля и распахнула двери, ведущие в старую избу. Из дома женщины вывезли инвалидное кресло, в котором сидела маленькая седая старушка в черном. Кто-то из мужчин встал помочь. Кресло подняли и, осторожно поставив на дорожку, подвезли к столу.

Депутат привстал.

– Ну наконец-то, мама, ты с нами, – сказал он и поцеловал старушку в щечку. Все остальные тоже поздоровались. Кто-то ласково, кто-то почтительно.

Зинаида, снова усевшись рядом с Алексеем, вернулась к своим обязанностям и представила:

– Это наша мама, Ада Львовна. То есть моя и Евгения. В это воскресенье ей исполняется девяносто.

Сначала Округину показалось, что старушка по древности лет мало что понимает, но очень скоро выяснилось – это совсем не так. Придя в себя после сна, она ожила и стала принимать в разговоре самое живое участие. Не говоря уже о еде. Перед ней поставили большую тарелку, которую принялись методично наполнять. Тут уж в дело вступила депутатша с халой, рьяно взявшаяся потчевать свекровь всем, что стояло на столе. У старушки был отменный аппетит. Алексей даже удивился, наблюдая, как живо та поглощает запеченную картошку, салат с фасолью, жареную курицу, копченую рыбу. И все в огромном количестве, не забывая запивать съеденное компотом.

Округина, сидевшего между Зинаидой и прикрывавшим его широкой спиной сохатым, старуха не замечала довольно долго, пока Аркадий не предложил выйти покурить. Они стали выбираться из-за стола, и незнакомый человек привлек ее внимание.

Ада Львовна оторвалась от поглощения пищи и удивленно уставилась на него. Евгений наклонился и что-то сказал. Видимо, объяснил, кто к ним пожаловал.

Алексей уже вышел в палисадник и не видел, как старуха среагировала на появление внука сторожа за их столом.

Аркадий вытащил пачку и предложил сигарету. Алексей сделал то же самое. Бельгийские сигареты он покупал в Хитроу, во время пересадки на рейс в Москву. Здесь такие не продавались. Аркадий с интересом посмотрел на пачку, но закурил все же свои.

- Так ты, значит, внук, - начал он.

- Внук, - подтвердил Алексей, затягиваясь.

- Что ж так долго деда не навещал?

Наверное, всем членам семьи Ольховских хотелось задать этот вопрос. Но спросил Аркадий.

Алексей затянулся еще раз и ответил:

- Далеко был. Не мог приехать.

Аркадий покосился на него.

«Должно быть, думает, что я зону топтал», - догадался Алексей, но пояснять ничего не стал. Зачем?

- Ты ведь не на электричке приехал, - вдруг сказал Аркадий.

Алексей кивнул.

- Электричка ходит утром и вечером, а ты появился в обед. Так на чем?

С чего это он любопытничает?

- На попутке.

Аркадий кивнул:

- А обратно как добираться будешь? На электричке?

- Нет. Тем же способом.

- Ясно. Только сейчас с попутками туго.

Сохатый затаился и вдруг предложил:

- Вот что, Алексей, оставайся-ка ты ночевать. В мансарде одна комната стоит пустая. Там диван. Поедешь утром.

Аркадий потушил сигарету и вопросительно, снизу вверх, дернул головой.

А собственно куда ему торопиться? Саня будет только рад потусить в родном городе еще ночь.

- Не надо мансарды. Если никто не против, я в сторожке переночую. Спасибо за приглашение.

Аркадий снова мотнул лосиной головой:

- Добро. А теперь пошли. Выпьем за твоего деда.

В потемках

В темноте добраться до дома сторожа оказалось гораздо труднее. Замысловатый мост, придуманный Леонардо да Винчи, перейти можно было только на трезвую голову. Два раза Алексей чуть не свалился, попав кроссовкой в щель между досками. В конце концов он кое-как перебрался, почти на ощупь дошел до двери и стал искать в кармане ключ. Его качнуло. Он ухватился за ручку, и дверь открылась. Надо же, не заперта. Это просто здорово!

Не зажигая света, Алексей плюхнулся на кровать, стряхнул с ног кроссовки и потянул на себя покрывало. Надо поспать. Утро вечера мудренее. А почему оно мудренее? Должно быть, этого никто не знает.

Утро оказалось не мудренее, а противнее. Было часов пять, когда он проснулся от жуткого сушняка.

Зачем вечером он пил водку? Уже лет пятнадцать эту отраву он в рот не берет. Отвык напрочь. Не умеешь пить, не берись, гласит народная мудрость. Какого хрена он вчера разошелся?

Алексей с горем пополам слез с кровати и стал искать воду. Она нашлась под столом в большом бидоне. С минуту он пытался понять, как из него напиться. Наконец нашел в буфете кружку, зачерпнул и с наслаждением выпил.

Вернувшись на кровать, Округин решил, что будет досыпать до полного, так сказать, выздоровления, но заснуть не смог. Просто лежал с закрытыми глазами, вспоминая увиденное и услышанное вчера.

Итак, кто же сидит в местном пруду?

Старушка божий одуванчик и ее детки – Зинаида, назовем ее «отличницей», и «депутат». Как там его зовут? Евгений Аристархович, кажется. Про него сказать особо нечего. Типичный такой депутат: солидный, правильный, преисполненный достоинства. Всегда на страже государственных интересов и потому ужасно довольный собой. Самодовольство из него так и прет. Смешно. И, кстати, депутатша вполне ему под стать. Такая же важная и глупая. Индюк и его индюшка.

Их сыновья тоже занимательные экземпляры. Станислав и Владимир. Старший общается с братом покровительственно и слегка пренебрежительно. Станислав и его женушка явно – хозяин и слуга. Жесткий, возможно, даже жестокий хозяин и словно прибитая пыльным мешком слуга.

Наталья обожает сыночка, по-видимому, единственную отраду. Симпатия Олежка о маменькиной безмерной любви знает и пользуется на всю катушку. Получается, бедной Натальей манипулируют оба, муж и сын, только по-разному. Один все время давит, а другой ластится. Просто сладкий мамин пирожок.

Младший сын депутата, Владимир, по всем законам жанра должен быть мажором, хамом и бездельником. А этот словно тюлень. Работает вроде в исследовательском институте. Поди, кандидат никому не нужных наук. А может, это просто прикрытие, и на самом деле Володя – глава криминального мира? Таких по телевизору показывают. С виду интеллигент в маминой кофте, а на самом деле ворочает миллионами. Почему-то же бразильская красотка за него вышла! Да нет. Не тянет. Похоже, он и вправду тюлень. Не притворяется. А вот женушка его, Анжела – постоянно. Этакая киса, мягкая и гладкая. Хотя нетрудно догадаться, что первоклассная стерва. Охотница. Интересно, что соединило их с Владимиром? Неужели большое светлое чувство?

Сестра депутата, отличница Зинаида, совсем другого толка. Перфекционистка. Всегда при исполнении. Их отношения с мужем, похожим на сохатого, не совсем понятны. То ли товарищи по борьбе, то ли друзья по несчастью. Какому, интересно? Желает, чтобы все и всегда было идеально. Бедняга. Дочерей обожает. Особенно младшую, клоунессу. Старшую, училку, по-моему, немного побаивается. На первый взгляд училка похожа на мамашу. Но это, как говорил герой одного известного фильма, «только кажущаяся видимость». Она другая.

Алексей вспомнил строгие и будто дымчатые глаза на бледном лице с ровной матовой кожей. Полина Аркадьевна. Странно, они с сестрой совершенно не похожи. Девочка-праздник и монашка. Какая прелестная эта Оленька! Очаровательный рыжий ангел с прозрачными слюдяными крылышками! Смотришь, и губы сами в улыбку разъезжаются. Старшая смеется, наверное, редко. Может, вообще никогда. Уж больно строгая. Наверное, с чувством юмора напряженка. Ему такие никогда не нравились. Женщина должна уметь смеяться. Интересно, эта Полина всегда такой была? Прямо с рождения? Или у нее трудный период? А муж где? Объялся груш или его и не было? На вид ей не меньше двадцати пяти. Достаточно симпатичная, значит, кавалеры имеются. Где же суженый? Приезжает по выходным? А может, она мужиков презирает и считает ничтожествами?

И чего он к ней прицепился? Она же совершенно не в его вкусе. Он любит веселых, смелых, уверенных в себе...

Алексей вспомнил Дженнифер и скривился. Да уж... Может, действительно, пора ему пересмотреть вкусовые предпочтения?

Но не будем отвлекаться. Подытожим. Итак, семейка Форсайтов. Или как их там? Ольховских. Вполне себе приличная. Живут, как он понял, все отдельно, кроме старухи, которая обитает здесь постоянно. Остальные приезжают, как на дачу. «Гости съезжались на дачу». Откуда это? Неважно. Итак, семья собралась на юбилей старухи. Если ей исполняется девяносто, то депутату давно за шестьдесят. Хотя нет. Зинаида мимоходом сказала, что мать поздно вышла замуж. После тридцати. Значит к шестидесяти старший сын только подбирается. Сестра младше на десять лет. Ну что ж, все сходится, Полине как раз...

Далась ему эта Полина! Она вообще на него смотрит косо. Какой еще внук? Ишь ты! А почему у Макара Ивановича не может быть внука? Или ей так казалось, потому что к деду последние четыре года никто не приезжал? Но мало ли какие обстоятельства у людей бывают! Косо смотреть может всякий! А ты пойд и разберись! Может, этот внук хотел навестить деда, но не мог!

Стоп. Опять с темы съехал? «Вертайся взад», как говорил герой Зощенко. Раз семейка собралась в полном составе, значит, старуху они любят, уважают и хотят порадовать. Между собой держатся вполне дружелюбно. Только Ангела все время кривит губы и старается держаться особняком. Но не так чтобы совсем. Видно, понимает, что отбиваться от сплоченной стаи не стоит, а то волк задерет.

Кряхтя, Алексей поднялся с койки и потер спину. И как дед Макар спал на этой мягкотне? С ума сойти можно. Он надавил на матрас. Пружины просели и лязгнули. Черт, надо что-то делать, а то завтра спину не разогнет. Он огляделся. Хотя бы кусок фанеры подложить.

Через боковую дверь он вышел в мастерскую, а попросту – сарай.

Фанера нашлась за верстаком. Приличная. Восемнадцать миллиметров. Авось не проломится. Только надо отпилить вдоль листа примерно сантиметров сорок. Где у тебя, Макар Иваныч, может быть пила, хотя бы ножовка?

Пила была и вовсе не примитивная ножовка, а циркулярная, дорогая. Интересно, сам купил или это рабочий инструмент и принадлежит хозяевам? Сегодня узнает. Может, стоит сдать инвентарь по описи? А то еще счет предъявят.

Алексей расчистил верстак, выложил лист фанеры и, разметив, отпилил. Так, теперь зашкурим, чтобы заноз не насажать.

Потом пришлось отпилить немного с торцевой стороны, чтобы сильно не торчала из-за спинки кровати. Фанеру он засунул под тощий матрас, положив сверху еще и ватное одеяло. Повозился, пристраиваясь. Не ортопедический матрас от «King Koil», конечно, но других вариантов не предвидится.

После трудовых подвигов на фоне похмелья Округин устал и решил поспать еще немного, но то ли на фанере лежалось все же не очень удобно, то ли комары мешали, – сон не шел. Зато опять полезли всякие мысли.

Итак, согласно документу, Макар Иванович помер от сердечного приступа. Сегодня выяснилось, что приступ вроде как случился на фоне сильного опьянения. Насчет сердца, все правда. Сердечко у деда пошаливало. Вот только он давно не пил, еще с семидесятых. Конечно, умереть от сердечного приступа в восемьдесят восемь можно и без всякого алкоголя. Тогда почему депутат, вспоминая за столом обстоятельства смерти сторожа, так подчеркнуто напирал на то, что дед был пьян? Как он там сказал? «К великому нашему сожалению, принял неподобающе много крепкого алкоголя». Об этом вообще упоминать не стоило. Особенно в присутствии родственника. Может, депутат Евгений любит говорить правду? Даже горькую. Или именно горькую?

Предположим, дед ему не нравился. Какие у Иваныча вообще были отношения с семьей Ольховских? Может, его тут обижали, вот сердце и не выдержало? С другой стороны, если все было плохо, почему он не уехал? Наплевать на квартирантов. Как-нибудь разобрались бы.

Нет. Насчет обиды явный перебор. Дед обиду терпеть бы не стал. Никогда и ни от кого. Жил, потому что нравилось. Природа, воздух, река. Работа. Да, и работа. Сидеть без дела дед ненавидел, а в городе ему пришлось бы куковать со старушками на лавочке. Или снова вахтером в проходной, да и то навряд ли. Насиделся уже, как он говорил, сторожевым псом. А тут у него верстак, инструменты всякие, телевизор есть, холодильник. Значит, был при деле и устроился неплохо.

А собственно, почему он уверен, что Макар Иванович не пил? Ну, раньше не пил, а потом плюнул на здоровье и решил, что можно расслабиться. Или затосковал в

одиночестве и запил. Когда они в последний раз разговаривали по видеосвязи, дед был весел, говорил, что у него все стабильно. На сердце не жаловался. Хотя кто его знает! Даже по скайпу не всегда видно, что там с человеком происходит: болеет, грустит, трезв или выпил.

Проворонил он деда, вот и все дела. Теперь мается в сторожке на фанере. Да при чем тут фанера! Совесть уснуть не дает.

Алексей встал и пошел на лавочку. Курить.

Вечером за столом все высказывались о стороже хорошо. Но кто говорит об умершем плохо? Понять, как жилось деду на самом деле, уже невозможно. Тогда чего он так парится? Пытается совесть свою убаюкать? Мол, не печалься, Лешенька, твоему деду было тут хорошо, просто замечательно. От этого он и помер. Тьфу!

Разозлившись на себя, Округин отправился спать, назло себе проспал почти до обеда, а придя в себя, решил сделать обход дедовых владений.

Обход

Обход немало удивил. Невысокий холм, на котором был построен дом, речка огибала, как оказалось, с трех сторон, просто делая петлю. Леонардов мост вел к дому с севера, а на южной стороне, не видной от хозяйского дома, Алексей обнаружил небольшой виноградник. Три рядка по восемь-десять лоз. Это был сюрприз.

Он нагнулся, рассматривая их, и не услышал шагов. Когда с ним поздоровались, вздрогнул и резко выпрямился. Оказалось, его посетила училка Полина. Она стояла довольно близко и тоже разглядывала виноградник, приложив руку козырьком ко лбу.

– Не думала, что напугаю вас, – сказала она, заметив его движение.

Алексей улыбнулся снисходительной улыбкой. Не льстите себе, еще не хватало пугаться – вот что она означала.

– Что вы, Полина Аркадьевна, разве вы можете кого-нибудь напугать? Просто засмотрелся на лозы и не услышал, как вы подошли.

Она не улыбнулась в ответ. Только кивнула:

– Виноград Макар Иванович посадил года четыре назад.

Точно. В последний свой приезд он привез несколько отличных саженцев из Крыма. Наказал деду, чтобы посадил где-нибудь, хоть в палисаднике у подъезда. Вина с него не выжмешь, но для красоты сгодятся. Или просто на память.

Дед так и сделал. Только посадил не в палисаднике, а в жирную деревенскую землю. Саженцы приросли. Ухаживал дед Макар за ними старательно, подрезал, правда, неумело и неправильно, но выглядели лозы в целом неплохо. Между рядами засыпал белый известняк. Днем на южной стороне мягкий камень нагревался, а ночью отдавал тепло винограду. Занятно. Алексей нагнулся и посмотрел внимательнее. А вот и кисти. Значит, и винограда дождался? Ну и дед!

Он улыбался и не замечал, что училка его разглядывает.

– Вы любили вашего дедушку? – вдруг спросила она.

– Любил, – ответил Алексей, сразу заскучав.

Сейчас спросит, почему не навещал.

– Почему же вы к нему не приезжали?

Что-то она стала его раздражать. Надо же. И двух минут не поговорили. Быть резким, впрочем, не хочется. Все же он в здесь в гостях.

– А не приезжал, уважаемая Полина Аркадьевна, потому что все это время жил в другой стране, и у меня там... были проблемы.

Она кивнула, но как-то так, что сразу стало понятно – оправдания не приняты. А он разве оправдывается?

Рассердившись, Алексей снова нагнулся и, отщипнув виноградину, растер между пальцами.

– Это черный виноград. Ваш дед делал из него красное вино.

Тоже мне, специалистка!

– Виноград красный, называется «мерло», а вино из него можно делать любое. Сок не имеет пигментации. Чтобы вино получилось белым, надо быстро отделить мезгу. Если немного настоять на кожице красного винограда, то вино станет розовым. Хотя вы правы, красное – самое полезное. Пектины, которые в нем есть, выводят из организма стронций и другие тяжелые металлы. Про холестерин и говорить нечего. Бокал красного вина – то, что доктор прописал.

Он повернулся и глянул на училку. Эффект был именно тот, который предполагался. Она смотрела с интересом.

– Вы специалист по... выращиванию винограда?

– Правильнее будет – винодел.

Полина Аркадьевна посмотрела на дедовы лозы.

– У Макара Ивановича вино получалось... Можно сказать, не получалось. Жутко кислое. Я попробовала, но выпить не смогла.

Алексей кивнул и вдруг ощутил такую жалость к деду, что слезы выступили. Пришлось резко отвернуться и сделать вид, что осматривает окрестности.

Бедный Иваныч! Хотел удивить внука. Приедет в гости, а у деда лозы не просто выжили! Виноград вырос! Вино получилось! Угощайся, Алексейка!

Если бы училка не смотрела в спину, он бы разревелся.

- Изготовление вина, Полина Аркадьевна, технологически сложный процесс. В домашних условиях трудно осуществимый.

- У нас бабушка раньше вино делала. Брала дрожжи, сахар...

Алексей хмыкнул и повернулся:

- Прошу вас, увольте меня от рассказов об опытах вашей бабушки. Поверьте, то, что она делала, к вину никакого отношения не имеет. Хотя... дайте угадаю. Получалось очень вкусно. Сладко.

Он думал, что училка рассердится, но она посмотрела на него и вдруг... рассмеялась. От души. Вот уж от кого не ожидал.

- Точно! Ужасно вкусно! Как я понимаю, главное слово тут - ужасно!

Как хорошо она, оказывается, смеется. Просто замечательно. Бледное лицо при этом розовеет и становится каким-то... персиковым. Нет, не персиковым. Цвета чайной розы. Опять не угадал. Та, кажется, желтая. Жемчужно-розовым. Точно. Это подойдет больше.

- Алексей Петрович, вы меня слышите? А где вы работали? Вы сказали, в другой стране.

Округин кашлянул и попытался сосредоточиться.

Кажется, училка принимает его за наемного работника. Это хорошо. Что Ольховские могли подумать, если бы узнали, что у него почти два десятка больших и малых винодельческих хозяйств в пяти странах и тысячи гектаров виноградников? Пришлось бы объяснять, какого черта он делает в избушке сторожа Макара Ивановича. А в самом деле, какого?

Девушка поняла его молчание по-своему:

– Я просто так спросила. Можете не рассказывать.

Алексей посмотрел на ее смущенное лицо.

– Вообще-то я пришла позвать вас на обед. Мама сделала окрошку. Есть творог, оладьи, картошка и даже щи, если хотите.

Просто удивительно, что сегодня она кажется совсем другой. От вчерашней суровости завуча по воспитательной работе не осталось и следа. На обед приглашает. Смотрит вполне приветливо.

– Мне неудобно так беззастенчиво пользоваться гостеприимством вашей семьи. У вас, как я понимаю, намечается большое торжество. Тут не до непрошенных гостей.

Она перебила:

– Это правда, конечно. Но до юбилея еще далеко. Просто все решили съехаться пораньше, чтобы как следует подготовиться. Макар Иванович тоже помогал, пока... все это не случилось. Если бы дожил до праздника, веселился бы с нами. Мы считали его близким человеком. Очень уважали и ценили.

– Спасибо, – искренне ответил Алексей. – Тогда, пожалуй, можно один раз попроситься на семейный обед. Пойдемте.

– Только давайте вы не будете называть меня по отчеству. Просто Полина.

– Согласен. В семейной обстановке звучит не слишком уместно. Тогда уж сориентируйте меня, кого еще можно не называть по батюшке.

– Почти всех. Кроме бабушки, дяди Евгения и его жены. Они любят, чтобы к ним обращались... почтительно.

– Я так и думал. А Евгений Аристархович депутат чего?

- Областной Думы. Но собирается баллотироваться в Совет Федерации.

- Ууу... Это серьезно. Жену его зовут Альбина Михайловна?

- Да. У вас хорошая память.

- Сам удивляюсь.

Они перешли леонардов мост и направились по тропинке к дому. Алексей смотрел на идущую впереди Полину и думал о том, что концы волос, стянутых в высокий хвост, щекочут ей шею. Неужели она не чувствует? Уже август, а шея почти не загорела. И спина в вырезе сарафана бледная. Поди, загорать не любит, предпочитает дома сидеть и книжки читать. Одно слово, училка!

Он было подумал, что Ольховские снова соберутся «всей семьей», но Полина повернула к пристройке, правда, перед самым крыльцом вдруг куда-то делась. Алексей повертел головой, ничего не понял, решил, что училка свернула в палисадник, и поднялся по ступеням. Не топтаться же перед дверью!

В комнате была только солнечная Оля. На столе у окна она месила тесто.

- Если внутрь кладут творог, получается пирог, если ж поверху кладут...

- То ватрушкой зовут, - неожиданно для себя подхватил Округин.

Оля обернулась с сияющим лицом, и они дружно допели:

- Так и эдак хорошо, так и эдак вкусно - получается пирог!

Залившись смехом, Оля захлопала в ладоши. В воздух поднялось облако мучной пыли. Они одновременно чихнули.

- Добрый день, Алексей Петрович! Как хорошо, что вы пришли!

- Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, - глубокомысленно изрек Алексей Петрович.

Почему-то ему стало неудобно. Негоже гостям приходить раньше хозяев. Словно их не ждали, а они приперлись.

С улицы послышался дробный перестук. Зинаида и ее старшая дочь вошли с полными руками всяких огородных даров. На стол они ссыпали помидоры, малюсенькие баклажаны, крепкую репку, пучки петрушки, кинзы и какой-то неизвестной ему дивно пахнущей травы.

– Алексей, мы виноваты, что оставили вас одного, – начала Зинаида, – но вы должны нас простить. Мы...

– Уже простил, – торопливо сказал он и посмотрел на училку Полину. Она молча принялась мыть овощи.

Нет, ну нормально? Бросила одного посереде двора и делает вид, что ничего такого не случилось?

– Я с большой пользой провел время в обществе Ольги Аркадьевны. Повторил слова любимой детской песни.

Оля прыснула. Полина хмыкнула. Правда, почти незаметно.

– Давайте уже поедим. Девочки! – скомандовала мать семейства.

Обед был накрыт в мгновение ока. Такого он не видел даже в лучших европейских ресторанах. Женщины вдруг одновременно тронулись с места, склонились над столом, а когда отошли, оказалось, что он заставлен обещанной вкуснятиной, и посредине стоит горячий самоварчик. Алексей невольно присвистнул и тут же зажал рот ладонью.

Вот дурацкая привычка!

Он посмотрел на отличницу. Она довольно оглядывала стол и его промашки, кажется, не заметила.

– А где папа? – спросила Полина.

– Он уехал в город по поручению Евгения. Будет к ужину, – сухо ответила Зинаида.

Алексею показалось, она недовольна отсутствием мужа во время обеда. Не любит, когда нарушают правила?

Он сглотнул слюну и быстренько уселся поближе к оладьям, которые обожал с детства.

«Обед прошел в теплой и дружественной обстановке», – написали бы газеты, если бы им пришло в голову сообщать об этом событии.

Пожалуй, миссию можно считать оконченной, а визит завершённым. Алексей, совершенно объевшийся, спустился с крыльца и неторопливо двинулся по дорожке к реке. У кустов шиповника он остановился, чтобы закурить, и услышал зазвучавший откуда-то сбоку бархатный баритон.

– Гори, гори, моя звезда, – душевно выводил невидимый певец, чуть фальшиво подыгрывая себе на гитаре.

Наверное, кто-то из родственников всю репетирует номер для юбилея. Похвально.

Округин прислушался.

– Евгений, ты не забыл позвонить насчет икры?

Баритон прервался и недовольно ответил:

– Альбина, я сделал это еще на прошлой неделе.

– А про форель слабого соленья напомнил?

– Да, Альбина, напомнил, – с раздражением ответил певец. – Оставь меня в покое! Я репетирую!

– Сколько можно? Ты исполняешь этот романс сорок лет! Еще не нарепетировался?

Что ответит баритон, принадлежавший, как выяснилось, депутату Евгению, Округин слушать не собирался и уже двинулся было прочь, но тут депутатша громко спросила:

– А зачем здесь эта дворняжка ошивается?

– Ты о внуке, что ли?

Алексей замер у шиповника.

– О ком же еще? Дворняжка дворника. Иначе не скажешь. Хочет вещички вывезти? Или надеется, что мы ему денег отстегнем? Так сказать, выходное пособие.

– Насчет вещей – пусть забирает. Мне плевать. А деньги... Думаю, у него совести не хватит.

– Да неужели? Вот подожди, явится клянчить деду на памятник! И насчет вещей ты тоже поторопился. Инструменты все наши. И холодильник с телевизором. Мы отдали с городской квартиры. Забыл?

– Да ничего я не забыл! Не будет же он грузовик вызывать!

– Отчего же не вызвать? Плохо ты этот народ знаешь! Такие своего не упустят! И вообще, ты уверен, что он в самом деле родной внук? Документы у него проверял? Может, это бандюган с большой дороги?

– Не говори глупости, Альбина! – повысил голос Евгений. – Он в самом деле внук. Я видел его на фотографии. Как-то раз... старик показывал.

– Все равно, – не сдавалась депутатша, – поговори с Аркадием. Пусть не приваживает этого... любящего родственника. Никогда не приезжал, а как дед помер, явился – не запылится! Точно тебе говорю, ищет, чем поживиться! Поговори немедленно!

- Ладно.

- Да не ладно, а поговори!

- Хорошо, я поговорю! Отстань уже! Надоела!

Усмехнувшись, Алексей смял сигарету и пошел прочь от странного дома к избушке деда.

В самом деле, что-то он загостился. Глянет еще раз на виноградники, поклонится дому и в дорогу.

Телефон зазвонил, когда он перемещался по мосту. Пришлось ускориться, рискуя застрять между досок. Спрыгнув на землю, Округин посмотрел на дисплей.

Саня. Неужто соскучился по работе?

- Алексей Петрович, добрый день. Все в порядке?

- Отлично, Саня. Скоро возвращаюсь.

- Насчет вашего поручения уточнить ситуацию по Макару Ивановичу.

- Слушаю, - сразу напрягся Округин.

- Врач, который подписал свидетельство о смерти, говорит, что вскрытие не производилось. По просьбе членов семьи.

- Каких еще членов? Я ничего не просил, баба Маша, уверен, тоже.

- Врач ничего конкретного не сказал, но подчеркнул, что они сделали это из уважения к умершему. Мол, дело очевидное. Старый человек умер от сердечного приступа.

- Подожди. Почему врач так старался подчеркнуть, что дело очевидное?

- Говорит, признаки сердечного приступа были налицо. Случилось все ночью. Рядом никого не оказалось. Таблетки принять не успел.

На столе в доме действительно лежала коробочка с сердечными препаратами, шприцы и ампулы для внутривенных инъекций.

Алексей молчал. Саня в трубке – тоже.

- Я не понял, это все?

- Нет, не все, Алексей Петрович. Мне показалось...

Когда Сане, в прошлом сотруднику федеральной службы охраны, что-то казалось, Округин начинал нервничать.

- Не тяни.

- Врач врет.

- Никакого приступа не было?

- Был. Возможно. Но смерть наступила по другой причине.

- Какой? – глупо спросил Алексей Петрович.

- Если дадите команду, я выясню.

Округин помолчал и спросил:

- Сколько тебе нужно времени?

- Два часа.

Алексей не стал уточнять, что Саня собирается делать. Но если он сказал, значит, через два часа станет ясно, от чего умер Макар Иванович.

В дом Алексей заходить не стал. Сел в кресло-качалку и стал думать. Он всегда считал, что думать умеет очень хорошо.

Итак, что он будет делать, если выяснится, что дед Макар умер не своей смертью? Конечно, начнет выяснять, кто и за что его убил. На вопрос «кто?» ответ готов. Один из членов семьи Ольховских. Других вариантов нет. Пусть даже их тут футбольная команда. Он вытрясет душу из каждого. Но вот зачем им убивать старого человека, проработавшего в их семье столько лет? Что должно случиться такого, чтобы это стало мотивом убийства?

Алексей качнулся в дедовом кресле. Да нет, какая чушь! Кто из Ольховских мог убить? Он вспомнил, как тепло все отзывались об Иваныче.

Господи, да это просто фантасмагория! Может, дед все-таки умер от алкогольного отравления? Поэтому Ольховские попросили не делать вскрытия и не указывать в свидетельстве истинную причину смерти? Врач сказал что-то про «уважение к старику». Конечно. Это вполне правдоподобно. Он сам поступил бы так же, если бы дед умер у него в доме.

Алексей поднялся из кресла и пошел к винограднику.

Все-таки почему дед Макар начал пить? Всю жизнь он относился к алкоголикам с презрением. Считал, что пьют от безделья и безверья. Сам выпивал только по праздникам и иногда – в субботу. Правда вино, которое делал внук Алексейка, пробовать любил.

Обычно он привозил деду несколько лучших образцов и устраивал дегустацию. По всем правилам. Рассказывал о том, где был выращен виноград, когда собран, какой способ отжима использовался, как проходила ферментация, в бочке из какого дуба вино выдерживалось и так далее. Дед до того проникся темой, что научился, пусть и не всегда точно, определять – сепажное вино или купажное, а еще степень его танинности, кислотности и сбалансированности. В разговор стал вставлять разные умные слова типа «миллезим», «терруар» и даже такое замысловатое, как «декантация». Вспомнив, как он наливал деду вино в большой бокал, а тот сначала рассматривал его на свет, потом немного взбалтывал,

чтобы увидеть «слезы», а уж потом отпивал с таким видом, словно эликсир жизни пробовал, Алексей понял, как заскучал по старику.

Нет, не мог Макар Иванович начать пить горькую. Да еще так, чтобы умереть от алкогольного отравления. Если только... его не отравили. Кто мог это сделать? Снова возвращаемся к Ольховским? Тогда кто из них? И, главное, – за что?

Кажется, он пошел по второму кругу. Кто вообще сказал, что он умеет думать? Битый час по одному месту!

Алексей постоял над дедовыми лозами.

Кто именно из Ольховских попросил не делать вскрытия? Это выяснить легко. Обычно пишется заявление. Отказ от вскрытия. Надо просто спросить у врача. Затем узнать, кто еще из членов семьи знал об отказе. А потом начать трясти всех по очереди, пока не выяснится правда. А когда все станет понятно...

Он вздрогнул от телефонной трели, выхватил сотовый и нажал кнопку.

– Алексей Петрович, настоящая причина смерти Макара Ивановича – асфиксия дыхательных путей. Проще – удушье.

– Ты хотел сказать – удушение?

– Это неизвестно. Причины асфиксии могут быть различными.

– Кровь на анализ брали? Алкоголь в крови нашли?

– Поскольку был отказ от вскрытия, анализ крови не делали.

– Понятно. А как же асфиксия?

– Врач уверяет, что по внешним признакам было очевидно. Но теперь уже точно установить невозможно.

– Кто, кроме врача, знал по асфиксию?

- Говорит, никто.

- А почему он никому не сказал?

- Не хотел связываться из-за старика.

- Деньги?

- Однозначно.

Санин голос в трубке звучал сочувственно:

- Что делать дальше, Алексей Петрович?

Округин молчал, наблюдая, как виноградные лозы расплываются у него перед глазами.

- Алексей Петрович? - забеспокоился Саня.

- Кто подписал отказ от вскрытия?

- На заявлении ваша подпись.

Приехали. Еще и подпись.

- Саня, как ты думаешь, мы сможем уехать, не выяснив все до конца?

- Нет, Алексей Петрович, не сможем.

- Тогда давай попробуем узнать, кто виноват в смерти деда.

Алексей нажал отбой.

Что же получается? Дед умер вовсе не от сердечного приступа, а от удушья. Может ли человек задохнуться без посторонней помощи? Наверное, может, если

он, например, пьян до бесчувствия. Могло ли такое случиться с его дедом или... кто-то просто задушил его? Но кто и за что?

На ощупь

Аркадия он нашел за распиливанием широкой доски. На нем была старая армейская рубаха и пятнистые штаны. Значит, в прошлом сохатый – военный. Примем к сведению.

В России к военным относятся с необычайным пиететом. Почему-то считается, что человек, долго прослуживший в армии, может работать где угодно и везде не просто наведет порядок, но и обеспечит успех практически любого дела. Когда-то, поддавшись этому заблуждению, Алексей поставил двух отставников руководить смежными структурами на своем заводе в Крыму. Через полгода оказалось, что деятельность бывших полковников сводилась к требованию от сотрудников беспрекословного подчинения, мелочного контроля за соблюдением трудовой дисциплины и распиванию крепких спиртных напитков в небольшой кладовой, которую они называли «каптеркой». И ладно бы пили вино, которое производил завод! Так нет! Бравые воюки покупали в ларьке паленую водку и глушили ее после работы, ругая «тупых штатских». Самое паршивое – бывшие офицеры совершенно не способны были ни с кем договариваться. Поставщиков они априори считали ниже себя по званию, потому включали такой апломб, что оскорбленные непонятным для них высокомерием бизнесмены разрывали уже заключенные контракты и искали других партнеров. Округину тогда с трудом удалось выправить ситуацию. После чего он зарекся иметь дело с подобным человеческим продуктом.

Интересно, Аркадий тоже из таких?

– Доброе утро. Помочь?

Сохатый обернулся, взглянул на него и почесал свободной рукой за ухом.

- Вот тут поддержишь?

Алексей с готовностью схватил доску.

- Крепче держи. Толстая. Скамейки надо сколотить. Хоть пару штук. Стульев на всех не хватит.

- Она же неструганая.

- Ничего. Рубанком пройду, а девчата сверху еще пледы положат. Нормально будет. Давай следующую.

Они подняли новую доску, установили, и Аркадий снова принялся пилить.

- Аркадий, я хотел попросить разрешения остаться еще на несколько дней.

- Чего так? - не отрываясь от своего увлекательного занятия, спросил тот.

- Вчера узнал, что квартиранты из дедовой квартиры съедут не раньше выходных. У меня обратный билет на понедельник. Хотел бы в сторожке перекантоваться. Если не помешаю, конечно. Гостиница - дело дорогое.

Аркадий закончил шуровать ножовкой и распрямился.

- Это да. Дорогое.

- Я в тягость не буду. Куплю продуктов. У деда все есть. Плита, холодильник.

Аркадий, не отвечая, пошел в сторону забора, погромел чем-то за штабелем дров и вышел с рубанком в руках.

- Оставайся, конечно. наших я предупрежу.

Этих слов Округин ждал. Он решил обратиться к Аркадию, потому что именно с ним Евгению предлагала поговорить Альбина. Вчера за ужином было заметно – к сохатому относятся с гораздо большим уважением, чем к депутату. Значит, Евгению придется учитывать мнение зятя. Ему он, возможно, не откажет. Обратись Округин к депутату напрямую, сразу получил бы от ворот поворот.

– Гвозди забивать умеешь? – неожиданно спросил Аркадий.

– Умею.

– Тогда начинай скамейку сколачивать. Вон там чурбаки. Выбери попрямее и по высоте одинаковые.

Алексей посмотрел в сторону чурбаков. Сразу видно, что Аркадий – бывший вояка. У них главное, чтобы быстро. Чурбаки! Нет, брат, мы пойдем другим путем.

– Лучше из остатков доски сделаем. Пила освободилась? – деловито поинтересовался Алексей.

Аркадий пожал необъятными плечами.

– Бери.

Округин выбрал четыре примерно одинаковых по ширине обрезка и первым делом отмерил на каждом сорок пять сантиметров. Именно такая высота была самой удобной. Выровняв заготовки, он наметил и выпилил по небольшому треугольнику посередине нижнего края. Вроде как ножки наметил. Так будет устойчивее. Аркадий орудовал рубанком, но в сторону добровольного помощника все же поглядывал. Алексей приколотил готовые ножки к сиденью и спросил:

– Уголков нет? Надежнее было бы.

– Там посмотри.

Не отрываясь от работы, Аркадий мотнул головой влево. За поленницей обнаружился металлический шкаф цвета хаки. Поди, из армейских запасов. Алексей хмыкнул и, открыв дверцу, стал искать в разномастных коробках и банках что-нибудь, напоминающее уголки. Завернутые в промасленную бумагу, они лежали в круглой жестяной коробке из-под печенья. Смотри-ка! А у него тут неплохие запасы! Ножовка и рубанок, конечно, допотопные, но метизов всяких достаточно, причем собраны они с умом. Аркадий мог сходить в сторожку за циркуляркой, но пилил обычной пилой. Деликатный, что ли?

Алексей пересчитал уголки. Десять. На две скамьи хватит с лихвой. В обрезанной пластиковой бутылке он оторыл несколько саморезов и пошел обратно.

Работа стоять не должна. Она должна шевелиться и кипеть, как говаривал их ротный старшина Иваненко.

Алексей укрепил первую скамейку и принялся за вторую. Они работали в тенишке, в стороне от путей-дорожек, по которым перемещались члены семьи Ольховских, поэтому им никто не мешал. А, кстати, у Аркадия должна быть другая фамилия. Интересно, какая? Спросить?

На вторую скамью саморезов не хватило. Он снова направился к шкафу и заметил брошенную на обрезки досок форменную куртку. Сверху на кармане красовалась нашивка с фамилией хозяина – Дибич А.

Значит, фамилия училки Полины – Дибич. Интересная. Похожа на сербскую. Кстати, Аркадий внешне – чистый серб. Дочери на него совсем не похожи. Оля рыжая, как гриб-лисичка. А училка... Училка вообще фарфоровая какая-то. Бело-голубая, светло-дымчатая и прозрачно-розовая. Примерно так.

Он с силой завернул саморез и поднял глаза. Прямо перед ним стояла училка Полина, к внешности которой он только что прикладывал поэтические эпитеты.

– Папа, можно взять машину? Мне в магазин надо.

На Алексея она посмотрела мельком. Вид имела деловой и строгий.

Подумаешь, классная дама!

Алексей перевернул скамейку и поставил на землю. Потряс, проверяя устойчивость, и предложил:

– Полина Аркадьевна, испробуйте наш с вашим батюшкой, так сказать, дизайнерский опус.

Его шуточный тон она не приняла:

– Спасибо. Я верю вам на слово.

Что-то у нее не так с чувством юмора. Оно хорошее, но почему-то хромает, как у Винни-Пуха «правильнописание».

– Возьми ключи. Да, и прихвати с собой Алексея. Ему тоже надо продуктами запастись.

Полина посмотрела с удивлением:

– А ему зачем?

– Он останется на несколько дней.

– Зачем?

– Чего ты заладила – зачем да зачем! Затем. Ему жить негде.

Училка открыла рот для нового вопроса, но передумала и промолчала, посмотрев на Алексея, как ему показалось, тревожно.

С чего бы ей тревожиться? Может, что-то знает о смерти деда? А если это касается ее самой?

Мысль была настолько противной, что Округину захотелось сплюнуть. Выхаркать поганую мысль вместе со слюной. Плеваться он не стал. Проглотил вязкую массу

и просительным голосом сказал:

- Был бы очень признателен. Пешком, наверное, далековато.

Полина пожала плечами. Сейчас она опять смотрела на него не слишком дружелюбно. Все же почему? Поняла, что уезжать он не собирается, и испугалась? За себя или за кого-то еще?

Округин отряхнул штаны и пошел вслед за Полиной, старательно глядя под ноги. Смотреть в спину училки он почему-то не хотел.

Ни одна из дочерей на отца не похожа. В школе Округин учился неплохо, а потому про доминантные и рецессивные признаки кое-что помнил. Черные глаза и волосы всегда побеждают при скрещивании. Стало быть, не может одна дочь быть рыжей, а другая – такой фарфоровой, если отец черный, как галка. Что-то тут не так. Надо попробовать расспросить училку. Осторожно, чтобы не спугнуть.

Машина у Дибичей была вполне приличная. Не новый, но крепкий внедорожник. Садясь на переднее сиденье, Округин покосился на свой «Мерседес», припаркованный через три машины. Строго говоря, он принадлежал компании, но в его отсутствие за руль никто не садился. Автомобиль скучал и ждал возвращения хозяина. Сейчас он стоял на самом солнцепеке, и Алексею даже стало его жалко. В салоне, должно быть, можно яйца вкрутую варить. Градусов сто пятьдесят по Цельсию.

Он пристегнулся и попросил разрешения открыть окно. Полина кивнула и завела машину.

Сразу стало понятно, что водит она плохо. Наверное, на права сдала с пятой попытки. Хорошо, что Саня этого не видит. По его понятиям, женщин за руль следовало пускать только в сопровождении инструктора и двух понятых. Инструктора, понятное дело, не всякого, а прошедшего психотренинг на устойчиво позитивное поведение в стрессовых ситуациях.

Саня уже довольно давно работал у Округина. Жил в разных странах и городах, где машины водило поголовно все взрослое население, но ничто не смогло поколебать его мужского шовинизма. Пожалуй, сегодня Алексей был с ним

солидарен.

Не отрываясь от дороги и сосредоточенно пыхтя, Полина Аркадьевна преодолела два километра и остановилась метров за тридцать до магазина.

– Может, поближе встанем? – наивным голосом предложил Округин и пояснил: – Чтобы сумки далеко не тащить.

Порозовевшая от напряжения Полина пожала плечами:

– Зачем? И так нормально.

Небось побоялась парковаться рядом с другими автомобилями, чтобы никого не задеть. Только ни за что не признается. Училка, одним словом!

Может ли она быть причастной к смерти деда? Был ли у нее мотив? Мог дед узнать о Полине что-нибудь ужасное? Способна ли она убить человека? Или кто-то другой, кого она способна покрывать?

Занятый мрачными мыслями, Алексей не заметил, что уже минут пять стоит в очереди к прилавку, за которым обслуживала покупателей шустрая молодая продавщица с интенсивно покрашенными глазами. Кажется, это называется «смоки айс». Дженнифер тоже любила так краситься, когда собиралась в ночной клуб.

Вспомнив бывшую любовницу, Округин опять отвлекся от покупок и очнулся, когда Полина дернула его за рукав:

– Ваша очередь.

И отошла. Какая же она все-таки зануда!

Что же такого купить, чтобы не пришлось готовить?

Алексей внимательно оглядел полки, а продавщица столь же внимательно – его.

– Не знаете, что выбрать? Помочь? – улыбнувшись, предложила она и повела чудно покрашенными очами.

Хорошенькая. Молоденькая. Ямочки на щеках. Зачем ей этот чертов «смоки айс»?

Округин ответил своей лучшей улыбкой и стал покупать еду. Пять пачек китайской лапши быстрого приготовления, столько же – пюре, почему-то «со вкусом говядины», две пачки сосисок, буханку хлеба и большой кусок российского сыра. Интересно, он такой же резиновый, как и раньше? Подумал и добавил двести граммов сливочной помадки. А она – все такая же вкусная, как в детстве?

– Больше ничего? – поинтересовалась продавщица, складывая продукты в пакет.

– Если что забыл, приду снова.

– Буду ждать, – совсем уж кокетливо пригласила она.

За спиной отчетливо фыркнули. Неужели Полина его дожидается?

Алексей обернулся и увидел двух замечательных деревенских бабок, стоявших прямо за ним и с интересом наблюдавших за их с продавщицей любезным общением. Бабки были в своей лучшей поре, когда непонятно, семьдесят тебе или уже девяносто. В одинаковых цветастых халатах, у одной с желтыми цветочками на синем фоне, а у другой – с красными на зеленом, белых панамках на седых головах и с авоськами, сшитыми из синей плащовки, они являли собой настолько типичный образ советской бабуся, что Округин умилился и, проходя мимо, послал им воздушный поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/dorosh_elena/korolevskaya-liliya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)